

Женская память. Взгляд нового поколения в гендерных исследованиях

УДК 396

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-266-275

«Не по прошлому ностальгия»:
контент-анализ воспоминаний
советских женщин-ученых (1950–1990-е гг.)

Наталья Л. Пушкарёва

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия, pushkarev@mail.ru*

Ирина М. Пушкарёва

*Институт российской истории РАН, Москва, Россия,
pushkarevy@mail.ru*

Аннотация. Поэтическая строка Андрея Вознесенского «не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему» интерпретирована как содержание коллективной женской памяти о жизни научных институтов, входивших в Академию наук СССР, о деталях повседневности, утраченных в годы перестройки – именно такая повседневность академического сообщества рассматривается как проявление «настоящего» – удовлетворенности своей работой, вовлеченности в свое профессиональное дело как отсутствие сомнения в верности выбора жизненного пути. Анализ российского опыта антропологии академической жизни, возникшей в 2010-е гг. как самостоятельное направление антропологии повседневности, показывает эвристические возможности применения подходов контент-анализа такого рода секвенций биографических рассказов. Гендерный аспект подобных воспоминаний («автобиографий») как самостоятельный подход к получению особых аспектов обыденной истории советского прошлого ранее не изучался. Как коллективность жизни прежних НИИ отложилась в памяти женщин-ученых старшего поколения? Почему у старшего поколения научных сотрудниц возникает желание поделиться деталями своего прежнего стиля жизни, ностальгически сообщать мелкие подробности? Что врезалось в память старшему поколению женщин-ученых, чьи таланты были реализованы в годы хрущевской оттепели и брежневского застоя и каково соотношение официального дискурса коллективной памяти с индивидуальным изображением институтского прошлого, которое запомнилось и звучит в устных биографиях?

© Пушкарёва Н.Л., Пушкарёва И.М., 2022

Ключевые слова: коллективная память, повседневность, гендерная антропология академической жизни

Для цитирования: Пушкарева Н.Л., Пушкарева И.М. «Не по прошлому ностальгия»: контент-анализ воспоминаний женщин-ученых об их работе в институтах АН СССР // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 2. С. 266–275. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-266-275

“Nostalgia not for the Past”.
Content analysis of the memories
of Soviet women academics (1950–1990s)

Natal'ya L. Pushkareva

*Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Miklukho-Maclay RAS,
Moscow, Russia, pushkarev@mail.ru*

Irina M. Pushkareva

*Institute of Russian History RAS, Moscow, Russia,
pushkarevy@mail.ru*

Abstract. The poetic line of Andrey Voznesensky “not nostalgia for the past, nostalgia for the present” is interpreted as the content of the collective female memory of the life of scientific institutions that were part of the USSR Academy of Sciences. And as the memory of details in everyday life lost during the years of perestroika – it is precisely that everyday life of the academic community that is as a manifestation of the “present” – real satisfaction with their work, real involvement in their professional work, as the absence of doubt in the correctness of the choice of life path. An analysis of the Russian experience of the academic life anthropology, which emerged in the 2010s as an independent direction in the anthropology of everyday life, shows the heuristic possibilities of applying content analysis approaches to such sequences of biographical stories. The gender aspect of such memories (“autogynographs”) as an independent approach to obtaining special aspects of the everyday history of the Soviet past that has not been studied before. How did the collectivity of the life in the former research institutes remain in the memory of women scientists of the older generation? Why does the older generation of female researchers have a desire to share the details of their former lifestyle, nostalgically reporting small details? What engraved in the memory of that older generation of women scientists, whose talents were realized during the Khrushchev thaw and the Brezhnev stagnation, and what is the relationship between the official discourse of collective memory and the individual image of the institute past, which is remembered and heard in oral biographies?

Keywords: collective memory, everyday life, gender anthropology of academic life

For citation: Pushkareva, N.L. and Pushkareva, I.M. (2022), “ ‘Nostalgia not for the past’. Content analysis of the memories of women academics about their work in the institutes of the USSR Academy of Sciences (1950–1990s)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, part 2, pp. 266–275, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-266-275

Введение

Устная история академического сообщества – новая тема антропологии повседневности, отвечающая на призыв германских этнометодологов “Grabe, wo Du stehst!” – не упускай из поля зрения антропологический взгляд на историю собственного профессионального объединения. Гендерный аспект такой истории позволяет тематизировать опыт баланса между семьей и работой (тема весьма острая и не теряющая актуальности ни в одном поколении женщин-ученых), проблемы дискриминаций и асимметрий, в том числе в зарплате, вопросы построения женской карьеры, а также поколенческие сдвиги в женском сознании и биографиях. Источниковеды могут поставить вопрос о соотношении устной истории и истории записанной (академическая повседневность в записанной истории почти не отражена), социопсихологи – методологические вопросы конструирования гендерной идентичности с учетом различий жизни гуманитариев и ученых естественных дисциплин.

Из пестрой палитры тем можно выделить и еще одну, важную для антропологии социального слоя интеллектуальной элиты крупного города, имеющего научные центры, – тему стиля жизни женщин-ученых в советских НИИ. Как эта тема отложилась в памяти женщин старшего поколения? Почему у них возникает желание поделиться деталями своего стиля жизни в прошлом, хотя бы используя возможности соцсетей. Какова у старшего поколения расстановка приоритетных тем, что особенно врезалось в память и каково соотношение официального общегосударственного дискурса коллективной памяти с индивидуальным изображением того институтского прошлого, которое звучит в устных биографиях и постах в Фейсбуке? Нам было важно прочувствовать настроения женщин-ученых, понять основы их ностальгии, их субъективного отношения к собственному статусу в тогдашних НИИ.

Контент-анализ воспоминаний женщин

Стиль представляет собой попытку регламентировать поведение в соответствии с выдвинутыми рефлексирующим ядром ценностями и нормами. Кроме того, это способ идентификации адептов культуры или субкультуры с ядром и друг с другом [Комарова 1994, с. 32]. Гипотезой – при обращении к теме «стиля жизни» академического НИИ и рабочей повседневности женщины в этом учреждении – выступает утверждение: для женщины важнее, чем для мужчин, сама *обстановка* работы научного коллектива.

В советское время жесткая укомплектованность институтов (штаты академических НИИ росли медленно), иерархичность построения научного коллектива сочеталась с настойчивым воспитанием восприятия своего научного подразделения (сектора, кафедры, отдела, лаборатории, центра, самого Института) как *большой семьи*. В известном смысле толчок к тому был дан еще в 1920-е гг., когда родство по крови заменили родством идеологическим, а в научной семье (так должно было быть в идеале) – родством идейным.

И действительно: костяк слаженных научных отделов в различных НИИ России – как выяснилось в ходе сбора информации по проекту – составляют выходцы из одной научной школы: в Институте всеобщей истории, например, такую «семью» образовали ученики А.Я. Гуревича, Ю.Л. Бессмертного, «папушата» – школа, сформированная В.Т. Пашуто [Старостин 2009], в Институте российской истории – школа В.И. Бовыкина [Петров, Пушкарева 2013, с. 225–270], в Томском университете – школа Б.Г. Могильницкого. Сближение тех или иных будущих коллег очень часто – если судить по биографическим воспоминаниям – начиналось с общих занятий в «Общем читальном зале» РГБ или читальном зале гуманитарных факультетов МГУ в аудиторном корпусе на ул. Моховой: «В то время все у меня спорилось... Там знакомились, дурачились, спорили. Там же возникали романы...» [Фрумкина 1997, с. 67].

Общение продолжалось и в свободное время, ведь «академическая жизнь» предполагала тогда большую вовлеченность в общественные события: «Помню, как ходили на демонстрации вместе с детьми, на остановках затевали игры. По большим праздникам в Институте устраивались чаепития, готовили спектакли, “капустники”» [Кочина 1988, с. 148]. Как тип времяпровождения это сохранялось долгие десятилетия и умерло вместе с перестройкой. Те, кто начал работу в различных НИИ в системе РАН в середине 1980-х, еще принимали участие в написании сценариев последних институтских «капустников». Значило ли это, что такая коллективность,

коллегиальность, «не-частность» частной, повседневной жизни была желанной альтернативой одиночеству? Соучастие воспринималось как безальтернативность и норма. Огромность совместно проведенного времени (по созданию институтских стенгазет, написанию сценариев капустников и т. п.) объяснялась невозможностью самореализации за пределами НИИ: возможности подработки ограничивались вузами, совместительство было уделом немногих. Со временем обращение к этой стороне своей жизни в молодости стало процессом обнаружения позитивности соучастия, ведь молодость часто вспоминается как лучшее время жизни.

Другой чертой прежнего стиля жизни ученого, привлекательной для женщины, была возможность побыть одним – в библиотеке, в лаборатории, архиве ...Одиночество на несколько часов в день тогда для многих женщин было большим удовольствием, ведь общегития 1940–1950-х объединяли до 15 чел. в одной комнате. Возможность работать для себя, жить без соглядатаев было неслыханной роскошью даже для москвичей и ленинградцев. Воспоминания юности, когда «жизнь была аскетична, протекая в безытности» перетекают в памяти респонденток в воспоминания об аспирантских годах, отмеченных «перемещением из чистилища в рай»: «одноместные комнаты-кельи с удобствами на двоих» казались шагом в Большую науку, черты которой угадывались в строящихся новых академических институтах на Ленинском проспекте Москвы [Усок 2004, с. 51]. В институтах негуманитарного профиля были свои особенности, «машинное время заказывалось заранее и делилось между пользователями»: «Ожидавшие своего времени занимались кто чем: спали на столах, разговаривали, искали ошибки в программе. После бессонной ночи шли в кафе, потом в кино. Счастливое время, молодость!» [Курьлёва 2003].

В 1960-е и позже значительное вне рабочее общение сотрудников коллектива сокращалось, и лишь юбилеи коллег по сектору или центру отмечались широко, писались стихи и шуточные песни [Сванидзе 2003]. Первым возрастным рубежом, который «полагалось» отмечать, было 50-летие. На такие встречи готовились специальные праздничные сценарии. Правда, респондентки заметили: «В Академии принято, когда люди говорят в лицо друг другу любезности, а за спиной – всякие гадости...» [Рютова 1994, с. 1320–1327]. Помимо этой черты, иностранки замечали сильную сексуализированность повседневного дискурса общения в академических институтах («кокетничают, делают комплименты», «у вас – это норма» [Пушкарева 2016, с. 71].

Коллективизм в стиле жизни российских ученых – общая черта повседневности всего советского периода: «Мои научные интересы

стали импульсом для создания домашних семинаров, которые действовали до 1991 г.», «научные *reseaux* (сети) абсолютно необходимы – они создают атмосферу равнодушия к тому, что ты делаешь, и позволяют соотнести свои работы с общим полем идей, поддерживать нормальный интеллектуальный тонус» [Фрумкина 2003, с. 469].

Неудивительно, что группы и кружки существовали в досоветской отечественной науке, они были и в 1940–1950-е годы – это был способ укрыться от «всевидающего ока и всеслышающих ушей». Для поколения женщин-ученых приглашения домой к научным руководительницам «домашних встреч в квартире, это, конечно, были отдушины, радости бытия в то ужасное время...». Однако такие домашние встречи учеников у своих учителей – явление, исчезнувшее к началу «перестройки». Равно как исчезли та теплота, близость, почти семейственность отношений между преподавателями и учениками-аспирантами, стремление профессоров накормить своих учениц домашней едой, а порой и «благословить на браки» [Старостин 2009]. Этим воспоминаниям историка-архивиста вполне созвучны впечатления в рассказе женщины-физика («И как собирается вместе хорошая патриархальная семья в особые дни, так на заседания Ученого совета собирался весь институт»), биолога («Когда бы ты ни пришел, тебя обязательно накормят, выслушают, помогут») [Рютова 1994, с. 1320].

В 1990-е годы эта практика исчезла *вместе со снижением престижа преподавательской и научной работы, обнищанием научного корпуса*. «Раньше дорожили той невидимой внутренней связью, которая возникает в неформальной обстановке между Учеником и Учителем. Сейчас этого нет, и эта потеря обеднила обе стороны...». Старшее поколение, способное оценить плюсы и минусы того стиля жизни ученых, который ныне утерян, считает, что процесс необратим [Старостин 2009], какими бы ориентированными на людей ни были представительницы нынешнего академического сообщества. «Мужчина ориентирован на решение задач, женщина – на человека, которому нужно решить эти задачи»¹: мысль о том, что карьера сама по себе женщинам неинтересна, для женщин важно, чтобы реализация темы удовлетворяла какие-то социальные нужды (для мужчин этот фактор часто безразличен), что труд женщин в силу этого более утилитарен, – довольно распространенное мнение. Женщине нужно знание мужской психологии, «правил игры» на ее рабочем месте (в НИИ) для построения успешной карьеры [Фетисова 2002].

¹ *Насонкина М.* Женское счастье – это не так просто, как кажется мужчинам // *Невское время*. № 125 (2248). 13 июля. 2000.

Действительно, женщинам-ученым в своих коллективах часто приходится помнить, что нужно все время быть собранными, готовыми «держаться удар» – об этом размышляет известная ученая-химик, которая относится к десятке самых цитируемых российских ученых в мире.² Стиль жизни ученого-лидера в любом научном учреждении предполагает активность и креативность. Но сами исследовательницы «женского научного труда» часто сталкиваются с убежденностью в том, что у женщин *от природы* «меньше инициативы»: «Подать заявку на грант, сформулировать задачу, собрать людей, проконтролировать выполнение работы, довести ее до публикации – обязанности руководителя проекта. Не все женщины хотят этим заниматься»³.

Для успешности в администрировании не лишним было и всегда будет наличие чувства юмора у руководителя. Юмор – путь к продвижению вверх [Caplan 1993]. Но язык интервью с женщинами-учеными обнаружил многие краски, даже некую патетичность, но юмор – в наименьшей степени. Не все респондентки лишены его, но в целом рассказ женщин-ученых о себе строг. Женские рассказы сильно отличны от мужских тем, что женщинам не приходят в голову смешные ситуации из их прошлого, возможно – в силу травматического синдрома, необходимости всю жизнь постоянно что-то преодолевать, подвижничества в жизненной стратегии.

Все общие черты «стиля жизни ученого» – необходимость организации жизненных условий, адекватных силе научного интереса, конструирования благоприятного социально-психологического микроклимата, доверительности в общении – находят проявление в стиле жизни «ученой женщины», которая при невозможности (в большинстве случаев) содержать прислугу и необходимости заботы о членах семьи должна следовать «дисциплинарной матрице» (Т. Кун) ученого: отрешаться от суетного, вычленять из тривиального нестандартное [Лысенкова 2011, с. 277]. Очевидна «завязанность» вопроса о возможности погруженности в науку для женщины на материальном уровне жизни семьи: «Я слышу призывы к тому, что образование должно быть бесплатным. Но его оплачивают налогоплательщики. Подготовка одного специалиста-химика обходится в 300 тысяч долларов»⁴. «Бесплатное образование – это нищие преподаватели» и профессора, которых сегодняшние студенты не уважают, как уважали раньше.

² Штерн Б.Е. Активный список самых продуктивных отечественных исследователей // Независимая газета. 26 июня. 2002.

³ Дежина И. Феминизация науки – выдумка «обиженных» мужчин? // Поиск. 5 марта. 2004.

⁴ Изварина Е. Академик И.П. Белецкая // Газета. ру. 2 января. 2004.

Заключение

Подводя итоги, вспоминается строка А. Вознесенского – «не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему». Секвенции женских биографий позволяют оценить круг меморизированного. Включившись в научную работу защитой первой диссертации, каждая респондентка негласно приняла пространственную локализацию будущей профессии (местоположение института, с которым предстояло связать свою жизнь), режим работы и график командировок/ экспедиций, организационную структуру, принятую в учреждении, трудовой кодекс, размер заработной платы, некие неписанные нормативы рабочего процесса. Это *физическое поле* профессии было внешним, но каждая женщина, пройдя через процесс экстернализации, «присвоения» этих составляющих, вписала их в жизненный мир своей профессии и по сей день ностальгирует именно по нему, считая его «настоящим».

Социальная реальность профессии прочувствована женщинами-учеными, она остается интерсубъективной, создаваемой во взаимодействии, в контексте труда [Романов 2005, с. 13–49]. Женская коллективная память наполняет эту реальность различными смыслами и элементами неформального дискурса. Благодаря анализу субъективно пережитых и рассказанных научных биографий исследователь понимает, что обозначенные элементы выступили для женщин паттернами конструирования статуса профессионально успешных научных сотрудниц, и именно детали формирования этой успешности многие из них и предпочитают обсуждать в своих воспоминаниях.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-28-01428) «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)».

Aknowlegements

The article has been prepared with financial support from of the Russian Science Foundation (science project no. 22-28-01428) “Women’s history as the basis of Russian social optimism (non-metropolitan urban everyday life in the middle of the 20th century)”.

Литература

- Комарова 1994 – *Комарова Н.И.* Рефлексия и стиль как необходимые категории анализа субкультур // Методология качественного подхода: Сб. статей. М.: Наука, 1994.
- Кочина 1988 – *Кочина П.Я.* Наука. Люди. Годы. М.: Наука, 1988.
- Курылева 2003 – *Курылёва И.* Когда машины были большими (воспоминания программистки) // Наука и жизнь. 2003. № 11. С. 51–59.
- Лысенкова 2011 – *Лысенкова В.В.* Культуросозидающая сущность философского образа жизни. Харьков: ХГАК, 2011.
- Петров, Пушкарёва 2013 – *Петров Ю.А., Пушкарёва И.М.* В. Бовыкин – ученый и основатель научной школы // История и историки. 2011–2012. М., 2013. С. 225–270.
- Пушкарёва 2016 – *Пушкарёва Н.Л.* Мифологема «женщина-ученая» в советском и постсоветском кино (1945–2019 гг.) // *Avrasya uluslararası araştırmalar dergisi.* 2016. Т. 4 (8). Р. 56–71.
- Романов 2005 – *Романов П. В.* Антропологические исследования профессий // Антропология профессий. Саратов: Научная книга, 2005. С. 13–49.
- Рютова 1994 – *Рютова М.П.* «Есть Ученый совет и семинар по средам» // Успехи физических наук. 1994. Т. 164. № 12. С. 1320–1324.
- Сванидзе 2003 – *Сванидзе А.А.* Вторая муза историка: Неизученные страницы русской культуры XX столетия. М.: Наука, 2003.
- Старостин 2009 – *Старостин Е.В.* Они сохраняли традиции старой университетской дореволюционной школы // Отечественные архивы. 2009. № 3. С. 94–103.
- Усок 2004 – *Усок И.* Страницы прошлого листая // Время, оставшееся с нами. М., 2004. С. 51–59.
- Фетисова 2002 – *Фетисова Е.Н.* Изучение мужского подхода к работе как одна из ключевых гендерных стратегий женщины-ученого. Хабаровск, 2002.
- Фрумкина 2003 – *Фрумкина Р.М.* Жаль, что вас не было с нами... // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 469–481.
- Фрумкина 1997 – *Фрумкина Р.М.* О нас наискосок. М.: Наука, 1997.
- Caplan 1993 – *Caplan P.J.* Lifting a Ton of Feathers: A Woman's Guide to Surviving in the Academic World. Toronto: Toronto Press, 1993.

References

- Fetisova, E.N. (2002), *Izuchenie muzhskogo podkhoda k rabote kak odna iz klyuchevykh gendernykh strategii zhenshchiny-uchenogo* [The study of the male approach to work as one of the key gender strategies of a female scientist], Khabarovsk, Russia.
- Frumkina, R.M. (1997), *O nas naiskosok* [About us obliquely], Nauka, Moscow, Russia.
- Frumkina, R.M. (2003), “It is a pity that you were not with us”, *New Literary Review*, no. 59, pp. 469–481.

- Kochina, P.Ya. (1988), *Nauka. Lyudi. Gody* [The science. People. Years], Nauka, Moscow, Russia.
- Komarova, N.I. (1994), "Reflection and style as necessary categories for the analysis of subcultures", *Metodologiya kachestvennogo podkhoda: Sb. Statei* [Methodology of the Qualitative Approach], Nauka, Moscow, Russia.
- Kuryleva, I. (2011), "When machines were big (memories of a programmer)", *Nauka i zhizn'*, no. 11, pp. 51–59.
- Lysenkova, V.V. (2011), [The culture-creating essence of the philosophical way of life], KhGAK, Kharkov.
- Petrov, Yu. And Pushkareva, I. (2013), "V. Bovykin – a scientist and founder of a scientific school", *History and Historians*. 2011–2012, pp. 225–270.
- Pushkareva, N.L. (2016), "Mythology of a female scientist in the Soviet", *Avrasya uluslararası arastirmalar dergisi*, vol. 4 (8), pp. 56–71.
- Romanov, P.V. (2005), "Anthropological studies of professions", *Antropologiya professii*. [Anthropology of professions], Nauchnaya kniga, Saratov, Russia, pp. 13–49.
- Ryutova, M.P. (1994), "There is an Academic Council and a seminar on Wednesdays", *Uspekhi fizicheskikh nauk*, vol. 164, no. 12, pp. 1320–1324.
- Starostin, E.V. (2009), "They preserved the traditions of the old university pre-revolutionary school", *Domestic archives*, no. 3. pp. 94–103.
- Svanidze, A.A. (2003), *Vtoraya muza istorika: Neizuchennyye stranitsy russkoi kul'tury XX stoletiya* [The second muse of the historian. Unstudied pages of Russian culture of the 20th century], Nauka, Moscow, Russia.
- Usok, I. (2004), "Flipping through the pages of the past", *Vremya, ostavsheesya s nami* [Time left with us], Moscow, Russia, pp. 51–59.

Информация об авторах

Наталья Л. Пушкарёва, доктор исторических наук, профессор, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32а; pushkarev@mail.ru

Ирина М. Пушкарёва, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, Москва, Россия; 119296, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19; pushkarevy@mail.ru

Information about the authors

Natal'ya L. Pushkareva, Dr. of Sci. (History), professor, N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninskii Avenue, Moscow, Russia, 119334; pushkarev@mail.ru

Irina M. Pushkareva, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of Russian History, Moscow, Russia; bld. 19, Dm. Ulyanova Street, Moscow, Russia, 119296; pushkarevy@mail.ru